

misterium

misterium

**ПЕР ВАЛЁ
МАЙ ШЕВАЛЬ**

**ЗАПЕРТАЯ
КОМНАТА**

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)
В 15

Maj Sjöwall och Per Wahlöö

DET SLUTNA RUMMET

Copyright © Maj Sjöwall and Per Wahlöö, 1972

Published by agreement with Salomonsson Agency

Валё П.

В 15 Запертая комната / Пер Валё, Май Шеваль; [пер. с швед. Л. Л. Жданова]. — М.: Эксмо, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-699-65582-3

Они живут такой же жизнью, как и миллионы из нас. У них много общего: они влюбляются, женятся, разводятся, заботятся о детях, а иногда опрокидывают кружку пива или стаканчик чего покрепче. И вместе с тем это абсолютно разные люди: кто-то ненавидит оружие, но обожает шахматы, а кто-то обладает феноменальной памятью. У каждого из них свои слабости, недостатки и таланты. Но все они служат в полиции, расследуют преступления под началом Мартина Бека.

В романе «Запертая комната» Мартин Бек и его помощники должны будут решить большое количество головоломных проблем. Ведь они столкнулись с преступлением, к которому очень трудно подобрать ключи. Им придется ответить на множество вопросов. Каким немислимым образом убийство могло произойти в комнате, все запоры на дверях и окнах которой целы и тщательно закрыты изнутри? Где оружие? В чем мотив преступления? Кто убитый? И, в конце концов, где искать убийцу?

Роман «Запертая комната» был с большим успехом экранизирован в Швеции.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)

© Жданов Л., перевод на русский язык,
2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65582-3

1

Церковные часы пробили два, когда она вышла из метро на улицу Вольмар-Иксюльсгатан. Она остановилась, закурила сигарету и быстро зашагала дальше, к площади Марияторьет.

Дрожащий колокольный звон напомнил ей о безрадостных воскресных днях детства. Она родилась и выросла всего в нескольких кварталах от церкви Марии, где ее крестили и почти двенадцать лет назад конфирмовали. От всей процедуры перед конфирмацией ей запомнилось только одно: как она спросила священника, что подразумевал Стриндберг, говоря о «тоскующем дисканте» колоколов на церкви Марии. Память не сохранила ответа.

Солнце пекло ей спину, и, миновав Санкт-Паульсгатан, она сбавила шаг, чтобы не вспотеть. Почувствовала вдруг, как расшалились нервы, и пожалела, что перед выходом из дома не приняла успокоительное.

Подойдя к фонтану посередине площади, она смочила в холодной воде носовой платок и села

на скамейку в тени деревьев. Сняла очки, быстро вытерла лицо мокрым платком, потом протерла уголком голубой рубашки очки и снова надела их. Большие зеркальные стекла закрывали верхнюю часть лица. Сняв синюю широкополую шляпу из джинсовой ткани, она подняла длинные, до плеч, светлые волосы и вытерла шею. Снова надела шляпу, надвинула ее на лоб и замерла, сжимая платок руками.

Немного погодя она расстелила платок рядом с собой на скамейке и вытерла ладони о джинсы. Посмотрела на свои часы — двенадцать минут третьего — и дала себе еще три минуты на то, чтобы успокоиться.

Когда куранты пробили четверть, она открыла темно-зеленую парусиновую сумку с кожаным ремнем, которая лежала у нее на коленях, взяла со скамейки высушенный платок и сунула, не складывая, в сумку. Встала, повесила сумку на правое плечо и зашагала к Хорнsgатан. Понемногу ей удалось справиться с нервами, и она сказала себе, что все должно получиться, как задумано.

Пятница, 30 июня, для многих уже начался летний отпуск. На Хорнsgатан царило оживление — машины, прохожие. Свернув с площади налево, она оказалась в тени домов.

Она надеялась, что верно выбрала день. Все плюсы и минусы взвешены, в крайнем случае придется отложить операцию до следующей недели. Конечно, ничего страшного, и все-таки не хочется терзать себя ожиданием.

Она пришла раньше времени и, оставаясь на теневой стороне, посмотрела через улицу на большое окно. Чистое стекло пестрело солнечными бликами, пронесившиеся мимо машины тоже мешали, но она разглядела, что шторы опущены.

Она стала медленно прохаживаться по тротуару, делая вид, что ее занимают витрины. Хотя перед часовым магазином поодаль висел большой циферблат, она поминутно глядела на свои часы. И внимательно следила за дверью через улицу.

Без пяти три она направилась к переходу на углу и через четыре минуты очутилась перед дверью банка.

Прежде чем войти, она открыла замок парусиновой сумки, потом толкнула дверь.

Перед ней был длинный прямоугольник зала, в котором располагался филиал известного крупного банка. Дверь и единственное окно образовывали одну короткую сторону, справа от окна до противоположной стены тянулась стойка, часть левой стены занимали четыре конторки, дальше стоял низкий круглый стол и два табурета с обивкой в красную клетку, а в самом углу вниз уходила крутая винтовая лестница, очевидно ведущая к абонентским ящикам и сейфу.

В зале был только один клиент, он стоял перед стойкой, складывая в портфель деньги и документы.

За стойкой сидели две женщины; третий служащий, мужчина, рылся в картотеке.

Она подошла к конторке и достала из наруж-

ного кармана сумки ручку, следя уголком глаза за клиентом, который направился к выходу. Взяла бланк и принялась чертить на нем каракули. Вскоре служащий подошел к двойным дверям и захлопнул на замок наружную часть. Потом он наклонился, поднял щеколду, удерживающую внутреннюю часть, и вернулся на свое место, провожаемый тихим вздохом закрывающейся двери.

Она взяла из сумки платок, поднесла его левой рукой к носу, как будто сморкаясь, и пошла с бланком к стойке.

Дойдя до кассы, сунула бланк в сумку, достала плотную нейлоновую сетку, положила ее на стойку, выхватила пистолет, навела его на кассиршу и, не отнимая ото рта платок, сказала:

— Ограбление. Пистолет заряжен, в случае сопротивления буду стрелять. Положите все наличные деньги в эту сетку.

Испуганно глядя на нее, кассирша осторожно взяла сетку и положила перед собой. Вторая женщина, которая в это время поправляла прическу, замерла, потом робко опустила руки. Открыла рот, как будто хотела что-то сказать, но не произнесла ни слова. Мужчина, стоявший у письменного стола, сделал резкое движение, она тотчас направила пистолет на него и крикнула:

— Ни с места! И руки повыше, чтобы я их видела! — Потом опять пригрозила пистолетом остолбеневшей кассирше. — Поживее! Все кладите!

Кассирша торопливо набила пачками сетку и положила ее на стойку. Мужчина вдруг заговорил:

— Все равно у вас ничего не выйдет. Полиция...

— Молчать! — крикнула она.

Бросив платок в парусиновую сумку, она схватила сетку и ощутила в руке приятную тяжесть. Затем, продолжая угрожать служащим пистолетом, стала медленно отступать к двери.

Неожиданно кто-то метнулся к ней от лестницы в углу зала. Долговязый блондин в отутюженных белых брюках и в синем пиджаке с блестящими пуговицами и большим золотым вензелем на нагрудном кармане.

По залу раскатился грохот, ее руку дернуло вверх, блондин с вензелем качнулся назад, и она увидела, что на нем совсем новые белые туфли с красной рифленой резиновой подошвой. Лишь когда его голова с отвратительным глухим стуком ударилась о каменный пол, до нее вдруг дошло, что она его застрелила.

Она швырнула пистолет в сумку, кинула безумный взгляд на обьятых ужасом служащих и бросилась к двери. Возясь с замком, успела подумать: «Спокойно, я должна идти спокойно», — но, выскочив на улицу, устремилась к переулку чуть не бегом.

Она не различала прохожих, только чувствовала, что кого-то толкает, а в ушах ее по-прежнему стоял грохот выстрела.

Завернув за угол, она побежала, крепко держа сетку в руке; парусиновая сумка колотила ее по бедру. Вот и дом, где она жила ребенком. Она рванула дверь знакомого подъезда и пробежала ми-

мо лестницы во двор. Заставила себя умерить шаг и через подъезд флигеля прошла на следующий двор. Спустилась по крутой лестнице в подвал и села на нижней ступеньке.

Сначала она попыталась запихнуть сетку поверх пистолета в парусиновую сумку, но сетка не влезала. Тогда она сняла шляпу, очки и светлый парик и сунула их в сумку. Ее собственные волосы были темные, стрижка короткая. Она встала, расстегнула рубашку, сняла и тоже уложила в сумку. Под верхней рубашкой на ней была черная футболка. Она повесила сумку на левое плечо, взяла сетку и поднялась по лестнице. Пересекла двор, миновала еще несколько подворотен и дворов, перелезла через две или три ограды и наконец очутилась на улице в другом конце квартала.

Она зашла в продовольственный магазин, взяла два литра молока и вместительную хозяйственную сумку из пластика, сунула в нее свою черную сетку, а сверху положила оба пакета с молоком.

Потом направилась к станции метро «Слюсен» и поехала домой.

2

Гунвальд Ларссон прибыл на место преступления на своей сугубо личной машине. Она была красного цвета, редкой для Швеции марки «ЭМВ», и многие считали ее чересчур роскошной для обык-

новенного старшего помощника комиссара, тем более когда речь шла о служебных поездках.

В этот ясный солнечный день он уже сел за руль, чтобы ехать домой, в Булмору, когда Эйнар Рэнн выбежал во двор полицейского управления и разрушил его мечты о тихом вечере у себя дома. Эйнар Рэнн тоже был старшим помощником комиссара отдела насильственных преступлений и, сверх того, пожалуй, единственным другом Гунвальда Ларссона, так что его сочувствие Гунвальду, вынужденному пожертвовать свободным вечером, было вполне искренним.

Рэнн выехал на Хорнсгатан на служебной машине. Когда он добрался до банка, там уже были сотрудники ближайшего участка, а Гунвальд успел даже приступить к опросу служащих.

У дверей банка теснился народ, и, когда Рэнн ступил на тротуар, один из полицейских, сверливших глазами зевак, обратился к нему:

— У меня тут есть свидетели, которые говорят, будто слышали выстрел. Как с ними быть?

— Попросите их задержаться, — ответил Рэнн. — А остальным лучше разойтись.

Полицейский кивнул, и Рэнн вошел в банк.

На мраморном полу между стойкой и конторками лежал убитый. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене левую ногу. Штанина задралась, ниже ее белел орлоновый носок с темно-синим якорьком и поблескивала светлыми волосками загорелая нога. Пуля попала в лицо, и от

затылка по полу растеклась густая кровь с примесью мозгового вещества.

Служащие сидели за стойкой, в дальнем углу. Гунвальд Ларссон примостился перед ними на краю стола. Он записывал в блокнот показания, которые звенящим от волнения голосом давала одна из женщин.

Заметив Рэнна, Гунвальд Ларссон поднял широченную правую ладонь, и женщина смолкла на полуслове. Гунвальд Ларссон встал, откинул перекладину в стойке, подошел с блокнотом к Рэнну и указал кивком на убитого:

— Ишь, как его отделали. Останешься здесь? А я потолкую со свидетелями... скажем, во втором участке на Русенлюндсгатан. Чтобы вы могли работать тут без помех.

Рэнн кивнул.

— Говорят, это какая-то девчонка, — сказал он. — И унесла денежки. Кто-нибудь видел, куда она подалась?

— Во всяком случае, никто из служащих, — ответил Гунвальд Ларссон. — Один парень на улице заметил машину, которая рванула с места, но не обратил внимания на номер и насчет марки не уверен, так что от него мало проку. Но я потом еще потолкую с ним.

— А этот кто такой? — Рэнн показал на убитого.

— Болван какой-то, вздумал разыграть героя, схватить грабителя. А она, понятное дело, с испугу взяла да выстрелила. Здешний персонал знает

его, постоянный клиент. У него внизу абонентский ящик, и черт дернул его подняться именно в эту минуту. — Гунвальд Ларссон заглянул в блокнот. — Преподаватель гимнастики, фамилия — Гордон.

— Не иначе вообразил себя Гордоном-Молнией из комикса, — хмыкнул Рэнн.

Гунвальд Ларссон пристально поглядел на него. Рэнн покраснел и поспешил переменить тему:

— Ничего, мы найдем портрет грабителя в этой штуке.

Он показал на укрепленную под потолком кинокамеру.

— Если не забыли пленку зарядить и резкость навести, — скептически произнес Гунвальд Ларссон. — И если кассирша кнопку нажала.

Большинство банковских отделений теперь были оснащены кинокамерами, которые автоматически включались, когда дежурный кассир нажимал ногой кнопку в полу, — единственная мера, предписанная персоналу на случай появлений грабителей. С некоторых пор вооруженные налеты участились, и тогда начальство распорядилось, чтобы служащие не подвергали себя опасности, не пытались помешать налетчикам или задержать их, а сразу выдавали деньги. Однако было бы неверно думать, что такое решение вызвано заботой о персонале и прочими гуманными соображениями: просто опыт показал, что в конечном счете банкам и страховым обществам это выгоднее, чем

выплачивать компенсацию пострадавшим, а то и пожизненное пособие семьям погибших.

Приехал судебный врач, и Рэнн пошел к своей машине за оперативной сумкой. Он работал по старинке, но нередко с успехом. Гунвальд Ларссон отправился в полицейский участок на Русенлюндсгатан, захватив с собой троих служащих и еще четверых свидетелей, которые вызвались дать показания.

Ему отвели помещение, он снял замшевую куртку, повесил ее на спинку стула и приступил к предварительному опросу.

Показания троих служащих банка совпадали, зато остальные четыре свидетельства сильно расходились.

Первым из четырех был мужчина сорока двух лет, который находился в подъезде метрах в пяти от банка, когда прозвучал выстрел. Он видел, как по улице пробежала девушка в черной шляпе и зеркальных очках. А когда он примерно через полминуты выглянул из подъезда, метрах в пятнадцати от него рванула с места зеленая легковая машина, как ему показалось, «Опель». Машина умчалась в сторону площади Хорнсплан, и вроде бы девушка в черной шляпе сидела на заднем сиденье. Номер он не рассмотрел, а буквы, кажется, «АВ».

Следующая свидетельница, владелица небольшого магазина рядом с банком, стояла в дверях своей лавки и вдруг услышала громкий хлопок. Сперва ей почудилось, что хлопнуло в кухоньке за торговым помещением, и она побежала туда: ду-

мала, газ взорвался. Убедившись, что плита в порядке, она вернулась к двери. Выглянула на улицу и увидела, как большая синяя машина развернулась посреди улицы, только шины завизжали. В ту же минуту из банка выбежала женщина и закричала, что человека застрелили. Свидетельница не видела, кто сидел в машине, номера не запомнила, в марках машин не разбиралась. Что-то похожее на такси.

Третий свидетель, рабочий-металлист тридцати двух лет, дал более подробные показания. Он не слышал выстрела, во всяком случае, не обратил на него внимания. Шел по улице, вдруг из банка выскочила девушка. Она торопилась и, проходя мимо, толкнула его. Лица он не разглядел. Возраст — лет около тридцати. На ней были синие брюки, синяя рубашка, шляпа, в руке она держала темную сумку. Он видел, как она подошла к машине с буквой «А» и двумя тройками в номере. Машина — «Рено-16», светло-бежевая. За рулем сидел худощавый мужчина лет двадцати — двадцати пяти. У него длинные, косматые черные волосы, белая футболка, очень бледное лицо. Второй мужчина, постарше, стоял на тротуаре рядом с машиной. Он открыл девушке заднюю дверцу, потом закрыл и сел рядом с водителем.

Плечистый, рост около ста восьмидесяти сантиметров, волосы пепельные, курчавые, очень пышные, румяное лицо. Одет в черные расклешенные брюки и черную рубашку из какого-то блестяще-